

тературы, с семейным преступлением и тайной феодальной рода Дюссельдорфов (заточение жены, предполагаемое убийство брата), с мотивом узурпации, с типами невинно преследуемых добродетельных героев и наделенного адской хитростью и коварством узурпатора — младшего Дюссельдорфа, с неожиданными узнаваниями и т. п. Для Каменева все это уже не является новостью («приключения <...> обыкновенны»); очевидно, он хорошо знает литературу такого рода. Не лишним будет заметить, что в 1800 г., когда пишется письмо, готическая волна еще не захватила в России широкую читательскую массу и что двумя годами позднее «Дюссельдорф» появится на русском языке в переводе З. А. Буринского (1780—1808), тогда студента Московского университета, близкого к Мерзлякову и Гнедичу, литератора, которому прочили блестящую будущность.⁴ Письмо Каменева выдает в нем, таким образом, внимательного читателя готической литературы, со специальными интересами в этой области. Любопытно и то, что Каменев выделяет в «Дюссельдорфе» наиболее экспрессивные эпизоды, тяготеющие к «ужасным» сценам в немецких романах, — «зимние сцены», описание пустынного, страшного и величественного морского побережья, где происходит похищение героини (кн. 3, гл. 3—5), и развалин замка Карлоштейн, с подземными темницами, где на крючьях висят скелеты погибших здесь узников (кн. 5, гл. 1, 2, 6 и в особенности 3). Он явно не склонен остановиться на компромиссной эстетике А. Маккензи, отвергавшей «ужасы» и сверхъестественное с позиций рационалистической «сентиментальной готики», по следовавшей «черному роману» в самых основах своей поэтики.⁵ Вслед за «Дюссельдорфом» он принимается читать второе крупное произведение близкого типа — «Селестину» Шарлотты Смит.⁶

По вероятному предположению Е. А. Боброва, Каменев принялся за чтение этих романов под влиянием разговоров с Карамзиным.

Более того, если, как мы думаем, в 1799 г. «Остров Борнгольм» натолкнул его на перевод легенды из истории Рюгена, то теперь едва ли не «Сьерра-Морена» определила его обращение к балладе об Алоизо и Имогене — с близким сюжетом и даже одинаковым именем героя. Сюжет этот, впрочем, не был совершенно нов для русского читателя.

⁴ Братоубийца, или Таинства Дюссельдорфа; сочинение английское Анны Маккензи; перевод с французского, ч. 1—8. М., 1802—1803; ср.: Рогожин В. И. Указатель к «Опыту российской библиографии В. С. Сокольова...». Изд. 2-е. СПб., 1908. — К т. 3 русского перевода приложена гравюра, изображающая как раз «сцену со скелетами».

⁵ Summets M. The Gothic Quest. A History of the Gothic Novel. N. Y., 1964, p. 172—173.

⁶ Бобров Е. А. 1) Литература и просвещение в России XIX в., т. III, с. 136; 2) К биографии Гавриила Петровича Каменева. Варшава, 1905, с. 55.